

ПРАВО НА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ СЕЛЬСКИХ ОБЫВАТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПАРАДОКСЫ ИСТОРИИ

Т. ТЕЛЬКИНЕНА,
кандидат исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой истории государства и права,
Днепропетровского государственного университета внутренних дел

SUMMARY

In this article have been made an attempt to reconstruct the mechanism of correlation of legislation of Russian empire about local self-government (1864, 1890) with civil activity of citizens, who were rural inhabitants. The author have made the analyze of complex of factors, which in certain ways promote the formation of such qualities of sense of justice of rural inhabitants in Russian empire of the second half of XIX - beginning of XX, as indifferent attitude toward the system of self-government, underestimation of proper legislation as the regulator of social relations. Have been made the conclusion that instead of revival of civil activity of the most numerous estate of Russian citizens, legislation in the next time proved them the impossibility of its display in legal forms.

Key words: right to realize the local government, rural inhabitants, departments of self government of zemstva, lobbying, sense of justice, civil activity.

* * *

В данной статье предпринята попытка реконструкции механизма корреляции законодательства Российской империи о местном самоуправлении (1864, 1890 гг.) с гражданской активностью лиц, принадлежащих к сословию сельских обывателей. Автор анализирует комплекс факторов, которые в той или иной мере способствовали формированию таких черт правосознания сельских обывателей в Российской империи второй половины XIX – начала XX вв., как безразличное отношение к системе земского самоуправления, недооценка соответствующего законодательства как регулятора социальных отношений. Сформулирован вывод о том, что вместо оживления гражданской активности наиболее многочисленного сословия российских подданных, земское законодательство в очередной раз доказывало им невозможность ее проявления в легальных формах.

Ключевые слова: право на осуществление местного самоуправления, сельские обыватели, земские органы самоуправления, лоббирование, правосознание, гражданская активность.

Постановка проблемы: для создания ретроспективы института лоббирования в Российской империи необходимо определить, каким был потенциал социально-юридических групп подданных для оказания скоординированного давления на органы власти с целью принятия теми законов, которые отвечали бы интересам названных групп. Особое внимание, как представляется, следует уделить наиболее многочисленному сословию – сельским обывателям. В том числе, определить, каким образом законы о земских органах самоуправления (1.01.1864, 12.06.1890) коррелируют с уровнем гражданской активности лиц, принадлежавших к вышеназванному сословию.

Цель: в контексте определения потенциала лоббирования, который имело сословие сельских обывателей в «поздней» (второй половины XIX – начала XX вв.) Российской империи, выяснить, каким образом законы от 1 января 1864г. и от 12 июня 1890г. коррелируют с гражданской активностью подданных, принадлежавших к названной выше социально-юридической группе.

При написании данной статьи автором использовались системный подход и формально-логический метод исследования. Источниковая база представлена, главным образом законами, которые закрепляли за подданными в

Российской империи право на местное самоуправление в форме земских учреждений [1,2] и научными комментариями российских юристов [3], специализирующихся в области государственного права и непосредственно наблюдавших применение названного законодательства.

Сельские обыватели в Российской империи после введения в действие законов о земских органах самоуправления получили уникальную для них возможность легального лоббирования своих сословных интересов. Так, в соответствии с п.2.XII. закона от 1 января 1864г. в компетенцию уездных и губернских земств было включено «предостав-

ление» центральным органам власти через губернатора сведений, заключений и ходатайств относительно «местных хозяйственных польз и нужд»). Но как свидетельствуют исторические факты, гласные от данной социально-юридической группы не использовали этот шанс. И все же, хотелось бы отойти от общепринятого видения сельских обывателей в Российской империи априори безнадежно апатичными в общественной жизни, способными только на безжалостный русский бунт, и не воспринимать такую характеристику их правосознания как данность, не подлежащую изменениям. На наш взгляд, их «земской» индифферентности в наибольшей мере способствовало соответствующее законодательство. Не сельские обыватели не захотели должным образом реализовывать наданное им право, а сами законы провоцировали (возможно, даже программировали) такое поведение сельских обывателей в качестве избирателей и гласных. В тоже время мы не ратуем за полное снятие ответственности с сельских обывателей как субъектов реализации своих прав и свобод.

Актуальность данной статьи определяется и тем, что на данный момент нам не удалось обнаружить историко-правовые публикации, авторы которых подобным образом формулировали бы проблематику своих исследований. При этом, следует отметить, что те или иные аспекты предложенной нами темы были предметом изучения и ранее. В конце XIX – начале XX вв. специалисты как в области государственного права (например, А.Д. Градовский, В.М. Коркунов, Н.И. Лазаревский, Б.Н. Чичерин) [3,4,5,6] так и социально-политической истории (например, Б.Б. Веселовский, А.А. Кизеветтер, А.А. Корнилов) [7,8,9] живо откликнулись на злобу дня и комментировали новеллы в законодательстве, которым определялось право подданных Российской империи на участие в выборах и деятельности земств. Кроме этого, юристы и историки тщательно анализировали правоприменительную практику «земских» законов. Советские исследователи российской социально-политической истории, обращавшиеся к проблемам формирования и функционирования земских органов (Л.Г. Захарова и др.), не оставляли без внимания практику реализации сельскими обывателями своего права на осуществление местного самоуправления [10,11]. Современные исследователи, специализирующиеся на общественных науках, также обращаются к вышеперечисленным вопросам (например, А.И. Козаченко, А.В. Колотилин, В.В. Куликов, Л.Е. Лаптева, М.В. Пампура, Т.А. Шаравара) [12, 13, 14, 15,16, 17]. Западные историки, в круг чьих интересов входит социально-политическая история Российской империи, предлагали собственное видение проблематики земского самоуправления [18].

В целом соглашаясь с авторами исследований законодательного обеспечения формирования и функционирования органов земского самоуправления в «поздней» Российской империи, подавляющее большинство которых пришли к выводу о том, что сельским обывателям был присущ абсентеизм, индифферентное отношение к законодательно закрепленному за ними праву участия в выборах и деятельности земств, основанные на их восприятии данного политического права в качестве очередной повинности, хотим со своей сто-

роны добавить некоторые аргументы в пользу вышеизложенного утверждения, изложив их все комплексно, а также несколько по-иному интерпретировать соответствующие особенности правосознания значительной части населения Российской империи.

К факторам, которые в той или иной мере способствовали формированию таких черт правосознания сельских обывателей Российской империи второй половины XIX – начала XX вв., как безразличное отношение к системе земского самоуправления, недооценка соответствующего законодательства как регулятора социальных отношений, можно отнести следующее. Крайне низкий, в целом по империи, уровень образования сельских обывателей [19, с. 35], в первую очередь гуманитарного (в частности, отсутствие хотя бы общих знаний всеобщей политической истории), которое сложным путем, что-то вроде «химической реакции», повышает общественную активность личности. Хотя для непосредственной реализации своего права участия в местном самоуправлении гласным-сельским обывателям необходимы были уже не общие знания, а элементарная грамотность, т.е. умение читать, писать, считать. Тяжелый физический труд, прерывание которого хотя бы и на несколько дней могло негативно повлиять на жизненный уровень семьи. Определенные особенности ментальности сельских обывателей, как составляющей традиционного общества (самоидентификация путем перенесения абстракций на уровень семьи, общины, вследствие чего происходит дистанцирование от всего, что нельзя увидеть собственными глазами, «потрогать», предпочтение «синицы», а не «журавля»). Данный ряд замыкает курialsная, многоступенчатая избирательная система выборов в земские органы.

За некоторыми аргументами обратимся к профессору А.Д. Градовскому, одному из наиболее авторитетных дореволюционных специалистов по государственному праву и по истории русского самоуправления [3].

Он акцентировал внимание на отдаленности крестьянских гласных от избирателей в результате 3-х ступенчатой избирательной системы и считал, что крестьяне, понимая невозможность сво-

его личного влияния на конечный результат выборов, будут безразличными относительно них. Ст.31 Положения о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864г [1], которая обязывает каждый из уездных избирательных съездов выбрать из избирателей нескольких гласных, по мнению профессора, тоже усложняла для сельских обывателей реализацию своего избирательного права. Крестьянин-выборщик сознательно может отдать свой голос за одного - двух лиц, которые проживают с ним по соседству и с которыми он часто общается. Но вряд ли, отмечает А.Д. Градовский, без внешнего влияния сельский обыватель сможет самостоятельно избрать 5-6, а иногда 10-11 лиц. Действительно, обезличивание выборов органов местного самоуправления делает их «мертвыми» не только для сельских обывателей и не только в XIX веке.

Корни абсентеизма сельских обывателей можно поискать и в компетенции данных учреждений, к которой законом были отнесены вопросы, как минимум, уездного масштаба. С одной стороны, лица, принадлежавшие к этому сословию, были объективно прагматичными и не видели смысла тратить собственное время на решения проблем, которые не касаются их общины. Им необходимо было время, чтобы эмпирическим путем убедиться в своих возможностях реального влияния на жизнь уезда, губернии, потому что раньше государство никогда не приобщало сословие сельских обывателей к сотрудничеству такого типа и масштаба. С другой – земские учреждения не имели полномочий для решения важнейшей на то время для сельских обывателей проблемы выкупных платежей и потому не были интересными для наиболее активных лиц, которые принадлежали к этому сословию. И вообще, русские сельские обыватели по традиции видели лишь в лице Государя «вершителя судеб» и потому не верили в возможность земств действительно решить вопрос даже местного уровня. Возможно, и потому сельские обыватели были активнее во время выборов в I и II Государственные думы, которые находились в столице и приближены к самому царю? Частично соглашаемся с американским автором Т. Эммонсом, который считает, что оценка сельскими обывателями земств была трезвой, но недальней-

видной [20]. Но сколько усилий нужно было приложить для внесения изменений в земское законодательство, чтобы, во-первых, расширить право участия сельских обывателей в формировании и деятельности данных учреждений, во-вторых, настолько изменить их компетенцию, чтобы данные органы местного самоуправления получили полномочия решать актуальные для большинства населения империи земельные вопросы? Вряд ли, кто-то из сельских обывателей задумывался над такой стратегией.

Почему же сельские обыватели воспринимали право участия в выборах и деятельности новых органов самоуправления как государственную повинность? Возможно, потому, что чувствовали тесную взаимосвязь между земствами и государством? Поразмышляем. Русская исследовательница крестьянства О. Ю. Яхшиян сравнивала традиционные представление русских крестьян о мире с «матрешкой», в которой совмещались Государство и Народ [21, с.92]. В результате такой специфики мировосприятия, крестьяне признавали необходимость государственного тягла и воспринимали его, как судьбоносный способ служения Государству. Очевидно, что государство у сельских обывателей ассоциировалось с тяглом, то есть повинностями.

Материалы публикации профессора А.Д. Градовского, где анализируется не только земское избирательное законодательство, но и на численных примерах – его применение, дают возможность прийти к выводу о существенном психологическом влиянии чиновников на сельских обывателей во время проведения выборов и в период деятельности земских учреждений. Да, крестьянские старшины имели пассивное избирательное право, но при этом они, представители крестьянского местного самоуправления, могли быть привлечены к административной ответственности государственными чиновниками. В соответствии со ст.125 «Общего положения о крестьянах вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861г. [22] и ст.155 «Положения об изменениях в устройстве местных учреждениях по крестьянским делам» от 27 июня 1874г. [23] исправник имел право взыскать с волосного старшины денежный штраф в 5 руб. и арестовать его сроком до 7

дней. Кроме этого, согласно закону члены уездных по крестьянским делам присутствий, которым подчинялись волостные старшины открывали избирательные съезды сельских обывателей, что открывало возможности, за А.Д. Градовским, для злоупотреблений. Мы же акцентируем лишь на психологическом давлении относительно представителей сельских обывателей со стороны местной администрации, который был возможным благодаря избирательному законодательству. К тому же, весомая роль в земской системе чиновников и представителей крестьянского самоуправления, что и сами по себе скомпрометировали себя перед сообществом сельских обывателей в целом да и еще формально зависели от администрации, не только не добавляла авторитетности земствам, а еще теснее связывала их с государственной машиной.

Общепризнано, что новеллы 1890г. в законодательстве о земских органах самоуправления существенно изменили содержание права сельских обывателей на участие в их формировании и деятельности. [24].

Ст.51 отменяла завершающий этап 3-хступенчатой системы выборов по крестьянской курии: «Гласные от сельских обществ избираются волостным сходом. Каждый сход избирает один лицо, но если число волостей в уезде не превышает определенного для оно-го расписанием (ст. 14, приложение) числа гласных от сельских обществ, то губернское по земским делам присутствие разрешает волостным сходам наиболее населенных волостей избирать по два лица. Из числа избранных губернатор утверждает положенный расписанием комплект гласных от сельских обществ...»[2]. В результате такого нововведения сельские обыватели еще больше отдалялись от гласных, которые были призваны представлять и защищать их интересы в земских учреждениях. Ст.38 лишала лиц, принадлежавших к названному сословию права избрания гласных из представителей других курий, как это было раньше: «Избирательные собрания и съезды могут избирать в гласные или уполномоченные только лиц, которые имеют право голоса в том самом собрании или съезде, коим выбор производится» [2]. Основываясь на изложенном ранее, можно утверждать,

что данная норма способствовала существенному снижению конкурентноспособности гласных от сельских обывателей во время работы земских собраний и управ, потому что теперь интеллигенция, либерально настроенная часть дворян и духовенства, были лишены права представлять это сословие в названных органах. Кроме этого, сельские обыватели консервировались рамками своего сословия, что вовсе не способствовало их «культурному», в широком смысле, развитию, о котором, вроде бы, так заботилась высшая бюрократия. Одновременным внесением изменений в Общее положение о крестьянах, которыми общества обязывали предоставлять финансовое обеспечение гласным от сельских обывателей, законодатель в очередной раз доказывал им обременительность земского представительства, способствовал укреплению в правосознании лиц, принадлежащих к этому сословию, минимализации роли таких органов в деле защиты прав подданных.

О существенном и целенаправленном усилении влияния администрации, в первую очередь местной, на функционирование земских органов самоуправления свидетельствуют следующие новеллы в законодательстве. Согласно нового Положения [2] администрацией утверждался состав даже уездных управ: в соответствии со ст.118 такое право получил губернатор. Ст.ст.5,87 расширили в сравнении с Положением 1864р. перечень оснований, которые предоставляли губернатору право отмены земских постановлений: нарушение закона, несоответствие государственным интересам, существенный вред интересам местного населения. Последнее, по общему мнению, сформулировано расплывчато и юридически некорректно. Ст.103 передала от Сената губернаторам полномочие проведения ревизий земских управ, других земских исполнительных органов и всех подотчетных земству учреждений.

Ст.ст. 56, 57 закрепили кооптацию в уездные и губернские собрания на правах гласных, в частности, и: местных руководителей и представителей учреждений, которые ведают государственным имуществом, имуществом царской семьи. Законодатель таким шагом вряд ли демонстрировал посягательство на принципы самоуправления, но уже сам

факт включения чиновников в земства лишний раз отождествлял их в правосознании тех же сельских обывателей с государственным учреждением. В то же время председатели и члены управ считались такими, которые состояли на государственной службе (Ст.124). С одной стороны, закон предоставлял сельским обывателям реальную возможность почувствовать себя чиновником, потому что позволял лицам, которые не имели права вступать на государственную службу, на протяжении нахождения на этом посту пользоваться всеми правами, льготами чинов, которые отвечают занимаемым земским должностям, а также формальную – получить государственный чин: если бы такое лицо на протяжении девяти лет было членом управы, то могло рассчитывать на получение «первого классного чина» по предоставлению губернатора. С другой стороны, гласные от сельских обывателей могли почувствовать или собственную зависимость от государства или принадлежность к ней – кому что было ближе. Один из либеральных земских деятелей В. Кузьмин-Караваев, на основании собственного опыта общения с гласными от названного выше сословия, свидетельствовал о восприятии ими и сословием в целом земских учреждений как обобщенного «начальства». «Огосударствление» земств в крестьянском правосознании не обязательно предусматривает прямолинейную связь с негативным отношением к ним целой социально-юридической группы. По нашему мнению, сельские обыватели в результате такого восприятия цементировали т.н. русскую модель самоуправления как органичной составляющей государства. Вспомним, что институты самоуправления в Российской империи главным образом помогали государству осуществлять фискальную функцию.

Выводы. На основании вышеизложенного можно прийти к следующим выводам. Статус сельских обывателей-избирателей и гласных земских учреждений согласно законодательства Российской империи о местном самоуправлении (законы от 1.01.1864 и 12.06.1890), в известной мере, провоцировал у лиц, которые принадлежали к этому сословию, настроения абсентизма и восприятия внедряемых органов самоуправления в качестве дежурных

бюрократических учреждений, безразличие относительно их деятельности. Соответствующие законы способствовали нивелированию в правосознании сельских обывателей значимости права на местное самоуправление, а в целом и других политических прав и свобод, что укореняло явление правового нигилизма в государственно-правовой жизни Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. Вместо оживления гражданской активности сельских обывателей, земское законодательство в очередной раз доказывало им невозможность ее проявления в легальных формах.

Список использованной литературы:

1. ПСЗ II. Т. 39. Отд.1. № 40457.
2. ПСЗ. III. Т.10. Отд. 1. №6927.
3. Градовский А.Д. Крестьянские выборы в гласные уездных земских собраний / А.Д. Градовский // Вестник Европы.- 1884. – Кн.5. – С.327-356. Режим доступа: http://www.democracy.ru/library/publications/voter/special/el_history/page16.html.
4. Коркунов Н.М. Русское государственное право. — 6-е изд. / Н.М. Коркунов. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. Том I. Введение и общая часть. – VI, 623 с. Том II. Часть особенная. – IX, 739 с.
5. Лазаревский Н. И. Земское избирательное право/ Н.И. Лазаревский // Юбилейный земский сборник/ Под ред. Б. Б. Веселовского и З. Г. Френкеля. . - Санкт-Петербург : Издание т-ва О. Н. Поповой, 1914. – XVIII. - С. 54-75.
6. Чичерин Б. Н. О народном представительстве/ Б.Н. Чичерин // - М.: Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1899. - 830 с.
7. Веселовский Б. История земства: в 4 т./ Б. Веселовский. – СПб.: Издательство О.Н.Поповой, 1909 - 1911. 724+703+708+696.
8. Кизеветтер А.А. Местное самоуправление в России IX-XIX ст.: Историч. очерк. 2-е изд. / А.А. Кизеветтер. – Пг.: Т-во «Задруга», 1917. - 120с.
9. Корнилов А. А. Из истории вопроса об избирательном праве в земстве: (Происхождение земской избирательной системы 1864 г. и ее дальнейшие изменения) [Электронный ресурс] / А.А. Корнилов. - СПб., 1906. 62 с. Режим доступа: http://www.democracy.ru/library/publications/voter/special/el_history/page16.html
10. Герасименко Г.А. Земское управление в России. М.: Наука, 1990. – 264с.
11. Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 г. / Л.Г. Захарова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968.- 178с.
12. Козаченко А.І. Повноваження органів земського самоврядування за Положенням 1890р. наприкінці XIX – на початку XX ст./ А.І. Козаченко // Проблеми законності. – 2010. - №107. С.23-32.
13. Колотилин А.В. Российское законодательство о формировании органов местного самоуправления второй половины XIX - начала XX веков :Историко-правовое исследование [Электронный ресурс]: автореферат дис. на соискание научн. степени канд. юр. наук : спец. 12.00.01. «Теория и история права и государства; история правовых учений» / А.В. Колотилин – Санкт-Петербург, 2004. Режим доступа: <http://www.disscat.com/content/>
14. Куликов В.В. Становление и развитие земского самоуправления (вторая половина XIX–начало XX вв.): историко-юридическое исследование [Электронный ресурс]: автореферат дис. на соискание научн. степени докт. юр. наук : спец. 12.00.01. «Теория и история права и государства; история правовых учений» / В.В. Куликов. – М., 2002. – 40с. Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=105761>.
15. Лаптева Л.Е. Местное управление в пореформенной России, 1864 - 1905 гг. :Историко-правовое исследование: : дис.....д.ю.н.: 12.00.01. / Людмила Евгеньевна Лаптева-М. – 2001. – 375с.
16. Пампура М.В. Правове регулювання та організація фінансово-економічної діяльності органів місцевого самоврядування на українських землях у складі Російської імперії (кінець XVIII – початок XX ст.): автореф. дис. на здобуття ступеня канд. юрид. наук: спец. 12.00.01. «Теорія та історія держави і права; історія політичних і правових учень» / М.В. Пампура. — Х., 2012. – 20с.
17. Шаравара Т.А. Реформи і контрреформи місцевого й міського само-

врядування другої половин XIX ст. в Російській імперії у працях радянських та зарубіжних дослідників/ Т.А. Шаравара // Український історичний журнал. – 2011. - №1. – С.166-179.

18. The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-Government. Cambridge/Eds.Terence Emmons and Wayne S. Vucinich. – N.Y.: Cambridge University Press, 1982. [Електронний ресурс] - 452 р. – Режим доступа: http://books.google.com.ua/books?id=d9Vw1cCgw0cC&printsec=frontcover&hl=uk&source=gbs_ViewAPI&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false.

19. По данным всеобщей переписи населения Российской империи (1897 г.) грамотность находилась на уровне 21,1%. См.: Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3-х т./ Т.1. 1900-1939 гг. Отв. редактор издания Ю.А.Поляков, отв. редактор I тома В. Б. Жиромская. – М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН). – 2000. – 463с.

20. Эммонс Т. Проблема социальной интеграции («слияния сословий») в русском земстве./ Т. Эммонс // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). Материалы международной конференции. -М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).-1996. – С.209-214.

21. Яхшиян О.Ю. Собственность в менталитете русских крестьян / О.Ю. Яхшиян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). Материалы международной конференции. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). – 1996. С.92-105.

22. ПСЗ-И.Т.36. Отд.І. №36657.

23. ПСЗ II. Т. 49. Отд.І. № 53678.

24. Например, см.: Верещагин А.Н. Земский вопрос в России. Политико-правовые отношения / А.Н. Верещагин. – М.: Международные отношения, 2002. — 192 с. Герасименко В.А. Там же. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов) / П.А. Зайончковский. – М.: Мысль, 1970. – 444с.; Захарова Л.Г. Там же. Лаптева Л.Е. Там же. Новиков А. И. Записки земского начальника / А.И. Новиков. – СПб., 1899. С.153-156. http://www.democracy.ru/library/publications/voter/special/el_history/page16.html.

ПОТЕРПЕВШИЙ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 343 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА УКРАИНЫ

И. ЧУБ,

начальник отдела надзора за соблюдением законов органами налоговой милиции прокуратуры Харьковской области, советник юстиции, консультант кафедры уголовного права № 1 Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого»

SUMMARY

In the article give a theoretical study the victim of the crime under Art. 343 of the Criminal Code of Ukraine. Analyzed the current legislation of Ukraine and examined the different points of view regarding the content of the concepts of "law enforcement officer" and "employee of the state executive service". Carried out analysis of the legal literature on the study terms "law enforcement" and "human rights" of the function. Highlighted their distinctive features, conducted their delimitation. The author offers his own definition of the concepts of "law enforcement activity", "law enforcement agency". It is proved that the State Bailiff Department is not a law enforcement authorities. Present suggestions for improvement of Part 1 of Art. 343 of the Criminal Code of Ukraine.

Key words: victim, employee, law enforcement body, interference.

* * *

В статье проводится теоретическое исследование потерпевшего от преступления, предусмотренного ст. 343 Уголовного кодекса Украины. Проанализировано действующее законодательство Украины и рассмотрены различные точки зрения относительно содержания понятий «сотрудник правоохранительного органа» и «сотрудник государственной исполнительной службы». Осуществляется анализ юридической литературы, по исследованию понятий «правоохранительная» и «правозащитная» функции. Выделены их отличительные черты, исходя из которых проведено их отграничение. Автор предлагает собственное определение понятий «правоохранительная деятельность», «правоохранительный орган». Обосновано, что государственную исполнительную службу нельзя относить к правоохранительным органам. Вносятся предложения по совершенствованию положений ч. 1 ст. 343 Уголовного кодекса Украины.

Ключевые слова: потерпевший, сотрудник, правоохранительный орган, вмешательство.

Постановка проблемы. Одной из основных обязанностей демократического правового государства является обеспечение прав и свобод человека. Ведущая роль в осуществлении этой обязанности принадлежит правоохранительным органам. Именно поэтому улучшение их деятельности, совершенствование ее правовой охраны, в том числе уголовно-правовой, является одной из приоритетных задач государственной политики Украины.

Состояние исследования. Проблема уголовно-правовой охраны правоохранительной деятельности была объектом ряда исследований. Весомый вклад в ее решение внесли такие отечественные и зарубежные ученые как П.П. Андрушко, М.И. Бажанов, А.Ф. Бантышев, Е.М. Блаживский, Ю.П. Дзюба, Л.В. Дорош, М.И. Коржанский, Н.И. Мельник, В.И. Осадчий, Г.Ф. Поленов, В.В. Сташис, В.Я. Таций, В.И. Тютюгин, Н.И. Хавронюк и другие.

Актуальность темы исследования подтверждается тем, что еще остались аспекты, требующие дальнейшего науч-

ного изучения. В частности это касается вопроса определения понятия «сотрудник правоохранительного органа».

Целью и задачей данной статьи является исследование понятий «правоохранительный орган» «правоохранительная деятельность» «правозащитная функция» для установления признаков потерпевшего от преступления, предусмотренного ст. 343 Уголовного кодекса Украины (далее – УК).

Изложение основного материала. В ст. 343 УК предусмотрена ответственность за вмешательство в деятельность сотрудника правоохранительного ор-